

УЧИТЕЛЯ ВИТЕБЩИНЫ В НАЧАЛЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В ЗАЩИТЕ ИХ ИНТЕРЕСОВ

*Г.Н. Яковлева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Изучение истории школы и учительство всегда будет интересовать исследователей. Цель работы – показать положение витебского учительства в условиях перехода к НЭПу и роль профсоюзов в защите их интересов.

Материал и методы. Источниковая база работы – документы Госархива Витебской области (фонды 59, 10050-п, 246). Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Введение НЭПа сопровождалось огромными трудностями, резко уменьшилось финансирование НКП, началось массовое сокращение школ. Государство начало перекладывать поддержку школ и учительства на местный бюджет. 15 сентября 1921 г. СНК принял декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», направленный на использование местных ресурсов. Фабрично-заводские предприятия и учреждения должны были взять на себя заботу об обеспечении школы и работников просвещения в городах. Для снабжения школьных работников в сельских местностях по особым постановлениям волостных съездов устанавливалось натуральное самообложение сельского населения. В декрете упоминалось самообложение, а не обложение, а также речь шла то о самообложении сельского населения, то самообложении только родителей учащихся. Это повлияло потом на реализацию декрета.

Декрет сначала вызвал отрицательное отношение всего губернского руководства, «как подвергающий опасности принцип бесплатности школы» [1, л. 39 об.]. Его реализация началась в ноябре и совпала с первой волной сокращения школ, детдомов, детсадов и массового увольнения шкравов, хотя губернские власти сначала пытались ограничиться минимумом и «ликвидировать только то, что влачит жалкое существование» [2, л. 114 об.].

Самообложение в деревне проходило с трудом. Крестьяне воспринимали самообложение как добровольное пожертвование, и те, кто не имел детей школьного возраста, отказывались от взносов. В Полоцком и Оршанском уездах постановления о самообложении населения приняли во всех волостях, но ход его тормозился из-за «невыяснения населением сути самообложения», в других уездах часть волостей его вводить отказывалась. Попытки провести самообложение в форме принудительной развёрстки приводили к конфликтам с местным населением. Так, съезд советов Обчугской волости Сенненского уезда в конце 1921 г. дважды отказывался вводить самообложение на содержание местных школ. На третий раз, под давлением уездных властей, решение было принято, и особая волостная пятерка разверстала необходимое количество ржи на крестьян волости. На население дер. Прудины было развёрстано 40 пудов ржи. Применение силы при реализации самообложения привело к тому, что население деревни отравило телеграмму в СНК Ленину [3, л. 67].

В сложной ситуации оказался профсоюз работников просвещения, призванный защищать в условиях НЭПа и сокращения финансирования школу и учителей. Возникли дискуссии о роли и функциях советских профсоюзов вообще. Губернский отдел работников просвещения начал работу с марта 1921 г., сменилось 5 ответственных секретарей, принимаемые решения не доводились до конца, а ситуация в образовании только ухудшалась. Пятым главой губотдела профсоюза работников просвещения стал Анисимов. Витебские профлидеры вели споры о том, как и от кого надо защищать членов профсоюза, является ли государство эксплуататором и имеет ли право член советского профсоюза, в том числе учитель, на забастовку [4, л. 27]. В сентябре 1921 г. прямо говорилось о том, что профсоюзы работников просвещения – «пасынки» властей. Хотя попытки учителей губернии через забастовки защищать свои права никогда губотделом профсоюзов поддержаны не были.

Анисимов неоднократно выезжал в Москву, пытаясь решить вопросы финансирования школ, проблему пайков. Его волновало, что даже после окончания войны, военные не спешили возвращать те помещения, которые принадлежали школе до 1917 г. Первоначально он категорически высказывался против платности школ, а сокращение учителей призывал производить осторожно, за счет случайных в школе людей [2, л. 23, 25]. Однако ситуация только ухудша-

лась и Анисимов в марте 1922 г. призвал посмотреть на школу «без очков» и признать, что от бесплатности школы осталась одна вывеска. Школа развалилась бы окончательно, если бы учителя стихийно не ввели анархическую «платность». Почти во всех без исключения школах Витебска «ученики сами» приносили по 80 тысяч рублей на ремонт, остекление, освещение, дрова и проч. «Кто не видел малышей с книжками в одной руке и с поленом дров – в другой», – спрашивал Анисимов. А сельские шкрабы, месяцами не получая содержания, дошли до нищеты, «питаются как пастухи по очереди по избам, попадая, таким образом, в прямую зависимость от отцов своих учеников» [5, л. 34 об.].

В апреле 1922 г. о катастрофичности положения заговорили полоцкие учителя. На общегородском собрании они выдвинули идею объявления забастовки с 2 мая 1922 г. как средства заставить местные власти обратить внимание на нужды школы и вынудить их начать поиск средств на поддержку народного просвещения. На собрании отмечалось, что школьные учителя и их профсоюз единственные, кто никогда не бастовал и работал и в более тяжёлых условиях. Дело не только в материальных интересах, дело в полном игнорировании властями нужд школы [7, л. 66]. Общее собрание шкрабов Старинской волости Городокского уезда 29 июня 1922 г. отметило, что «самообложение как добровольный вид обеспечения, при настоящем культурном уровне населения и пассивном отношении местной власти в ходе сбора самообложения не достигла цели и ставит школу и учительство в тяжелое положение». Учителя заявили, что они честно работали на пользу просвещения народа, но видя, что ставки учителей ниже ставок сторожей, не имеют сил так существовать далее. И доводят до уоно и профсоюза, что если до 5 июля не будет выдано вознаграждение за работу по ставкам рабочих на данный момент, то ... «учителя уйдут искать другие заработки, и будет подан судебный иск на взыскание долгов» [6, л. 13].

Учителя тяжело переносили своё нищенское положение, определяемое ими как «босячество». Учителя ставили вопрос перед своим профсоюзом о том, может ли нищий и оборванный школьный работник быть авторитетом для своих учеников и их родителей? Возмущало учителей сохранение приказных методов, используемых государством по отношению к ним, бесконечное привлечение их фактически бесплатно к проведению разного рода государственных кампаний. Мы требуем, чтобы с нами обращались как гражданами республики, а не как вещью», – требовали учителя Городокского уезда [8, л. 72]. А правление Городокского уездного отделения профсоюза вынуждено было в августе 1922 г. встать на защиту двух учителей за отказ заполнять статистические карточки исполкома и угрозы ареста [8, л. 36]. Пытаясь защитить интересы учителей, уездные правления профсоюза обращались в губоно, губрабкрин, напоминая о многомесечных задержках жалования. Требовали от уездных отделов народного образования выплаты задолженностей, т.к. «денежные знаки обесцениваются с быстротой летящего аэроплана», ходатайствовали о наделении школ и учителей землей, распределяли изредка получаемую помощь. Однако серьезных рычагов воздействия на местные исполкомы они не имели. Впредь до конца 1923 г. ситуация в системе образования оставалась сложной.

Заключение. Таким образом, переход страны к НЭПу оказался для учителей продолжением «чрезвычайщины». В условиях сокращения школы из-за отсутствия финансирования профсоюзы не смогли в должной мере защитить интересы учителей, особенно сельских.

Список использованных источников

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 9. Оп. 3. Д. 41.
2. ГАВт. – Ф. 59. Оп. 1. Д. 55.
3. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 60.
4. ГАВт. – Ф. 59. Оп. 1. Д. 61.
5. ГАВт. – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 294.
6. ГАВт. – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 477.
7. ГАВт. – Ф. 59. Оп. 1. Д. 63.
8. ГАВт. – Ф. 59. Оп. 1. Д. 87.
9. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 52.
10. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 146, т. 1.
11. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 90.